

Н.П. Матханова, Н.Н. Родигина

«ПРИАМУРЬЕ НЕ СИБИРЬ»: РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОТЛИЧИЙ СИБИРИ И ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ОТЧЕТАХ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРОВ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

Выявлены отличия Сибири и Дальнего Востока во всеподданнейших отчетах восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов второй половины XIX в., показана эволюция представлений о Дальнем Востоке как особом регионе по сравнению с Восточной Сибирью. Установлена зависимость репрезентации названных отличий от управленческого опыта, личностных характеристик представителей высшей региональной администрации, от особенностей всеподданнейших отчетов как разновидности делопроизводственных документов, от системообразующих характеристик географических образов.

Ключевые слова: Сибирь; Дальний Восток; генерал-губернаторы; отчеты; образы регионов.

В последние десятилетия осмысление Дальнего Востока как специфического региона Российской империи привлекает пристальное внимание историков. В фокусе исследовательских интересов – место региона в имперской географии власти [1–9] и на ментальных картах образованных русских [4, 8, 10–11], эволюция образов дальневосточного региона [12, 13], биографии сибирских и приамурских генерал-губернаторов [14–17], а также история колонизации дальневосточного края и биографическая связь с ним представителей интеллектуальной элиты, «научное завоевание» имперской окраины. Однако если географическое, природно-климатическое, социально-экономическое, социокультурное и ментальное своеобразие дальневосточных областей, а также репрезентация их отличий от Европейской России в разножанровых текстах второй половины XIX столетия уже неоднократно были предметом научной рефлексии, то сравнение Сибири и Дальнего Востока в социальном воображении генерал-губернаторов Азиатской России до настоящего времени, насколько нам известно, не являлось предметом специального анализа.

В статье мы стремимся дать ответы на следующие вопросы: 1) когда и под влиянием каких обстоятельств представители высшей региональной администрации поставили вопрос о Дальнем Востоке как специфическом регионе, отличном от Восточной Сибири; 2) как именно эволюционировали образы дальневосточных территорий во всеподданнейших отчетах; 3) какую роль в репрезентации данных отличий играл личностный фактор.

В качестве основного источника мы привлекаем коллективный текст-источник – всеподданнейшие отчеты генерал-губернаторов (более подробно о специфике отчетов как источнике изучения образа региона см. [18]). Статья базируется на ежегодных всеподданнейших отчетах восточносибирских генерал-губернаторов Н.Н. Муравьева (1847–1861), М.С. Корсакова (1861–1871), Н.П. Синельникова (1871–1873), П.А. Фредерика (1873–1879), Д.Г. Анучина (1879–1885), А.П. Игнатъева (1885–1887), а также приамурских генерал-губернаторов А.Н. Корфа (1884–1893), С.М. Духовского (1894–1898), Н.И. Гродекова (1898–1900).

Как верно замечено А.В. Ремневым, выделение Дальнего Востока из Сибири, начавшееся на рубеже XVIII–XIX вв., испытало новый политический им-

пульс в 1850-х гг. и завершилось в 1884 г. административным обособлением в Приамурское генерал-губернаторство [4. С. 31–32]. Однако очевидны и уже многократно отмечены исследователями подвижность административного деления Сибири, его несовпадение с географическими границами региона, сложная сопряженность административных, географических реалий с образами региона на ментальных картах. Привлеченные нами материалы наглядно демонстрируют правомерность системообразующих характеристик географических образов, выявленных отечественными социологами. Географические образы *инерционны*, они меняются гораздо медленнее, чем «объективный» мир, но зато они существуют дольше, чем реалии, на которых они основаны; они *многослойны*, поскольку формулируются разными акторами и обращены разным адресатам; они *противоречивы*, ибо в сознании человека, равно как и в коллективном сознании, причудливо уживаются прямо противоположные представления об одном и том же географическом объекте, актуализируемые в зависимости от обстоятельств [19. С. 30–38]. Слова, вынесенные нами в начальную часть заглавия статьи, могут быть соотнесены с отчетами генерал-губернаторов и как утверждения, и со знаком вопроса, в зависимости от их отношения к административному статусу Дальнего Востока.

Большинство восточносибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия дальневосточные владения Российской империи описывали как восточные окраины Сибири. К примеру, Н.Н. Муравьев в письме к Г.И. Невельскому их называл «восточные оконечности Восточной Сибири» (цит. по: [20. С. 92]), соответственно, признавая за последней статус внутренней периферии.

Н.Н. Муравьев-Амурский, горячо обосновывая в конце 1840–1850-х гг. необходимость оживления дальневосточной политики, делал акцент не только на ее геополитическом, военном значении для империи в целом, но и на экономическом значении выхода к Тихому океану для перспектив развития Восточной Сибири. «Амурская эпопея», мода на Амур у русской политической и интеллектуальной элит породила многочисленные номинации Приамурского края как «оплота Сибири» и Русского царства на дальних пределах Востока», «несомненной надежды

Сибири» и др. [4. С. 146–147]. Таким образом, дальневосточная территория в середине XIX в. позиционировалась как часть Сибири, но подчеркивалось ее огромное значение для страны в целом. В данном случае важны наблюдения С.В. Глебова о месте Амура в социальном воображении Муравьева и его сподвижников: «...присоединенные в конце 1850-х гг. земли стали своеобразным полигоном, на котором испытывались бы новые формы социальной организации, управления, колонизации, градостроительства и так далее. Дальний Восток для них был своего рода русской Америкой, где не действовали бы старые ограничения дореформенной России. На этой территории не было укоренившегося дворянства и его землевладения, крестьянских общин с их запутанными отношениями с землевладельцами. И хотя на территории края, безусловно, уже было какое-то население, многие российские путешественники, бюрократы и военные использовали троп “пустоты” для описания этих земель. Именно здесь, на берегах Амура и Уссури, можно было начать конструировать общество “с чистого листа”, не заботясь о глубоко укорененных интересах разных групп населения» [9. С. 19].

В отчетах и записках Муравьева, подававшихся после 1858 г., говорится об Амуре не только как о реке, но и как о вновь присоединенной территории. У него же впервые появляется номинация «Приамурский край»: рапорт 1858 г. «Об устройстве Приамурского края», записка 1858 г. «О заселении Приамурского края», «Правила для переселения в Приамурский край» и т.д. По конкретным управленческим вопросам в делопроизводительной документации, оставленной Муравьевым, встречается выделение Приамурья в качестве особой территории, отличной от Восточной Сибири по своим природно-климатическим, социально-экономическим, демографическим условиям. Можно привести в качестве примера записку 1858 г. «О разрешении поиска и добычи драгоценных и цветных камней в Восточной Сибири и Приамурском крае» [21]. В ней предполагалось разрешить свободный поиск в «Амурской стране». В 1859 г. Главное управление Восточной Сибири рассматривало вопрос о «Правилах для переселения из Восточной Сибири в Приамурский край» [22. Л. 60]. Речь шла об утверждении условий переселения как из внутренних губерний России, так и из Сибири [22. Л. 159].

О понимании специфики Приамурья наглядно свидетельствуют и планы Муравьева-Амурского о создании Амурской области в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, одобренные Сибирским комитетом 22 ноября 1858 г., а также его идеи о новом административно-территориальном делении Азиатской России, заключающиеся в создании на Дальнем Востоке новой административной группы, в которую бы вошли Приморская, Амурская и Забайкальская области, не поддержанные большинством министров на заседании Сибирского комитета 11 мая 1860 г. Тогда победила точка зрения, согласно которой единство управления Восточной Сибирью и Дальним Востоком продиктовано как продоволь-

ственной зависимостью Приморья от восточносибирских губерний, так и опасениями ослабления местной высшей власти в регионе путем ее раздробления [4. С. 194–195].

Особый раздел «Устройство и торговля Приамурского края» впервые появился во всеподданнейшем отчете Муравьева за 1856 г. по управлению Восточной Сибирью [23. Л. 78 об.–79 об.]. Как видим, это произошло за два года до подписания Айгунского и за четыре – до заключения Пекинского русско-китайских договоров, закрепивших новую границу. Напомним, что этот государственный деятель в ходе «амурской эпопеи» решительно сначала заселил и отчасти присвоил территорию, и лишь потом занялся официальным оформлением уже достигнутого.

В отчетах М.С. Корсакова неизменно, начиная с отчета за 1860 г., когда он был помощником генерал-губернатора, представлен особый раздел «Амурский край», хотя его территория (как и в отчетах Муравьева) включена в границы Восточной Сибири. Так, в отчете за 1860 г. встречаем: «Географическое положение бывших границ Восточной Сибири» [24. Л. 2 об.]; «Новое положение Восточной Сибири вследствие приобретения Амурского края» [24. Л. 12 об.]. Содержание названного раздела варьируется от особого, содержательно и тематически соответствующего основной части отчета, где говорится о Восточной Сибири в целом (отчеты за 1862 г., 1865 г.), до характеристики лишь специфических черт (освоение, заселение, пограничные вопросы, внешняя торговля, Сибирская флотилия), тогда как экономика, образование, административные дела и т.п., касающиеся дальневосточной территории, включены в основную часть отчета (за 1863 г.). Нам не удалось выявить закономерность в таком расположении. Отчеты Корсакова являются наглядным отражением его идеи создания нового генерал-губернаторства в составе Забайкальской, Амурской и Приморской областей с центром в Хабаровке для более эффективного управления дальневосточными территориями, сформулированной в его всеподданнейшей записке 19 декабря 1868 г. Однако во всеподданнейших отчетах Амурской край продолжает репрезентироваться как часть Восточной Сибири (что вполне соответствовало административным реалиям), но особая, занимающая окраинное положение, в отличие от других «внутренних» губерний и областей возглавляемого им региона. Примечательно в данном случае название документа: «Провоз товаров по Амурской и Забайкальской областям во внутренние губернии Восточной Сибири» [25. Л. 65]. В отчете за 1863 г. появляется внутри раздела «Амурский край» подраздел «Уссурийский край» [26. Л. 85–88] и таким образом подчеркиваются субъектность и своеобразие областей, входящих в состав Амурского края.

Обращает на себя внимание одновременное использование номинаций «страна» и «край» применительно к территории Приамурья и употребление топонимов «Приамурский край», «Амурский край» и «Амурская страна» в качестве синонимов. Так, в отчете за 1860 г. на одном листе подряд читаем: «Устройство всякого нового края есть дело сложное и трудное, а тем более края при условиях, в которых

находится географическое, экономическое и политическое положение *Амурской страны*» [24. Л. 30 об.], а далее «[только после Айгунского договора стало возможным] «действовать в ней [стране] «как в провинции, составляющей одно целое с Россией». Кроме того, в отчете встречаются следующие повторяющиеся словосочетания «устройство Амурского края», «частная деятельность русских весьма мало еще касалась Амурской страны» [24. Л. 35]; «...есть надежда на лучшие для Амурской страны обстоятельства» [24. Л. 35 об.]; «для вьшего преуспевания нового края... [важен] вопрос заселения страны» [24. Л. 36]; «колонизация новой страны... [обеспечит] устройство и развитие Амурского края» [24. Л. 36 об.] и др. В его отчете за 1861 г. тоже видим применительно и к Восточной Сибири «общее состояние края», «экономические условия страны» и «естественные богатства края», и к Приамурью (в разделе «Амурский край» первый пункт назван «Заселение Амурской страны») [27].

Таким образом, наблюдается неустойчивое функционирование терминов. При большом желании можно увидеть слабо проглядывающую тенденцию: чаще страна – территория, край – административная единица. Однако можно предположить, что в рассматриваемый нами период категории «страна» и «край» вообще считались синонимами, о чем свидетельствует и толковый словарь В.И. Даля, где «край – начало и конец; предел, рубеж... берег, страна; земля, область, народ» [28. С. 184]. Словесная неопределенность номинаций дальневосточных территорий в отчетах Корсакова, соратника Муравьева, разделявшего его взгляды на будущее Амура, некоторым образом свидетельствует и о наступившей в правительственных кругах апатии по отношению к дальневосточной политике, разочаровании в результатах колонизации Тихоокеанского побережья, отказом от реализации его идеи административного переустройства Приамурского края, созданной специально для обсуждения данного вопроса межведомственной комиссией под руководством И.С. Лутковского.

В отчетах Н.П. Синельникова Приамурский край не выделяется как особый регион. Его отчеты подтверждают наблюдение А.В. Ремнева о том, что Синельников не отличался особым вниманием к дальневосточным делам [4. С. 246]. Более того, рассуждая о возможном новом административном делении Сибири, он предлагал сохранить в составе генерал-губернаторства Восточной Сибири часть Приморской области, наряду с Иркутской губернией, Забайкальской, Амурской и Якутской областями, прибрежную же часть Приморья вместе с островами (в том числе Сахалином) и Камчаткой передать Морскому министерству [29. Л. 6 об.]. Показательно, что если большинство руководителей губерний просили увеличить суммы на содержание вверенных им территорий, то Н.П. Синельников в отчете за 1872 г. писал: «...можно сократить экстраординарную Амурскую сумму: из 80 т. убавить 45 т., потому что Амурский край не нуждается в этой сумме» [30. Л. 5 об.].

Таким образом, он, с одной стороны, осознавал специфические особенности разных территорий, во-

шедших впоследствии в состав Приамурского генерал-губернаторства, с другой же – считал, что Забайкалье и Амурская область должны остаться в составе Восточно-Сибирского генерал-губернаторства (и заселяться путем крестьянской колонизации), в отличие от уже упомянутой прибрежной части Приморья и Камчатки, перспективы которых связаны с морским флотом. В мемуарах Синельникова постоянно подчеркивается плохое состояние административного управления Приморской области морским ведомством, злоупотребления местного военного губернатора, делается вывод о необходимости усиления полномочий восточносибирского генерал-губернатора для более эффективного решения проблем экономического и административного развития Приморья [31]. Отчасти это объясняется конфликтом между Синельниковым и военным губернатором Приморской области адмиралом А.Е. Кроуном, которого поддерживало Морское министерство.

В отчетах генерал-губернатора П.А. Фредерикса, который, как и его предшественник, отстаивал территориальную целостность Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, тем не менее вновь появляется особый раздел, посвященный Дальнему Востоку. Так, в отчете за 1874 г. встречаем «Положение Приамурского края» [32. Л. 35 об. – 47 об.], в отчете за 1875–1876 гг. особо характеризуются Приамурский край, Северо-Восточное побережье и о. Сахалин [33. Л. 48–57 об.]. Характерно, что в конце раздела о положении в Приамурском крае в отчете за 1874 г. есть «говорящая» ремарка: «...изложив настоящее положение Восточной Сибири» [32. Л. 47 об.]. Таким образом, для Фредерикса дальневосточные территории обладают своей спецификой, но все же рассматриваются как часть Сибири.

В отчетах Д.Г. Анучина сохраняется особый раздел о Приамурском крае, но для него это всего лишь составная часть (окраина) Восточной Сибири (и Сибири вообще), как прямо сказано в отчете за 1879 г. [34. С. 43]. В другом месте того же отчета границы Южно-Уссурийского края упоминаются как часть границ Восточной Сибири [34. С. 35]. Здесь же он подчеркивает важную роль Забайкальской области как связующего звена между центром генерал-губернаторства и Приамурским краем, базы вооруженных сил [34. С. 78–79]. В отчете за 1880–1881 гг. бывший генштабист Анучин, исходя прежде всего из военно-политических и стратегических соображений, возражает против отделения Приамурского края, он находит несвоевременным образование на Амуре самостоятельного управления, вывод его из-под ведения генерал-губернатора Восточной Сибири [35. С. 67]. Наряду с необходимостью использовать военную базу Восточной Сибири, особенно Забайкальской области, для обороны Приамурья в связи с нарастанием угрозы внешних врагов в лице Китая и усиления позиций Британской империи на Дальнем Востоке, он высказывает опасение, что в новом самостоятельном генерал-губернаторстве ослабнет связь с империей и усилится тяготение к востоку. Здесь же он сравнивает эту недостаточно изученную, развитую и населенную часть генерал-губернаторства с Якутской областью,

подчеркивая их сходство по указанным параметрам. Важно иметь в виду, что к этому времени Анучин, в отличие от своего предшественника, успел лично осмотреть этот регион. Высказывается Анучин и против включения в состав нового генерал-губернаторства Забайкальской области, обращая внимание на возможные сложности с управлением каторгой и горным делом, исторически связанными с Восточной Сибирью [36. С. 360–363].

В отчетах генерал-губернатора Восточной Сибири А.П. Игнатьева никаких упоминаний о Приамурском крае нет, за исключением констатации факта образования в 1884 г. Приамурского генерал-губернаторства, с этого времени дальневосточная территория исчезает из сферы непосредственных служебных приоритетов восточно-сибирских генерал-губернаторов.

Первый приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф выделял входившую в подведомственное ему генерал-губернаторство Забайкальскую область, подчеркивая специфику ее населения, экономики, географического положения. Более того, Забайкалье по-прежнему остается для него частью Сибири, несмотря на то, что область вошла в состав «его» генерал-губернаторства. Так, в первом его отчете читаем: «...население в Забайкалье, как и вообще в Сибири» [37. С. 56]; во втором упоминается о переселении в Забайкалье из Европейской России и «из других частей Сибири» [38. С. 3]. При этом примечательно, что в первом отчете подчеркивается одно обстоятельство, объединяющее Забайкальскую область с Северо-Востоком региона и отличающее от южных территорий: «...Забайкалье и отдаленные северные округа принадлежат России уже более двух веков» [37. С. 75]; во втором же отчете, наряду с особой характеристикой Забайкальской области, таким же образом, отдельно, дается характеристика северо-восточных округов, но гораздо больше места и внимания уделено корейцам и китайцам, чье присутствие в регионе вызывает у него тревогу [38. С. 12–16].

В том же отчете в разделе о тюрьмах, каторге и ссылке ситуация в Забайкалье и на Сахалине характеризуется в одном блоке, без выделения регионального своеобразия (оно, конечно, упоминается, но на нем не ставится акцент). Вообще во втором отчете больше видно понимание единства, даже целостности генерал-губернаторства, в том числе в связи с развитием коммуникаций. Но есть и прямое указание на различие Сибири и Дальнего Востока: говоря о предполагаемом строительстве железной дороги, подчеркивается: «...рельсовый путь в пределах одного Приамурского генерал-губернаторства... был бы очень убыточен, но необходимо продолжить его через всю Сибирь, которая нуждается в нем не менее Приамурского края» [38. С. 51–52]. В данном случае важно, что в начале своей деятельности на посту генерал-губернатора Корф не только в отчете, но и в выступлениях на II Хабаровском съезде сведущих людей, высказывал сомнения в целесообразности присоединения Забайкальской области к генерал-губернаторству, имея в виду ее территориальную отдаленность от Хабаровска и иную исторически сложившуюся структуру управления. Однако по мере знакомства с новым для него Дальним Востоком

(в том числе и при помощи инициированных им хабаровских съездов сведущих людей (1885, 1886, 1893 гг.), в процессе своей деятельности по управлению генерал-губернаторством и его социальному конструированию он акцентировал все больше внимания на общности различных частей вверенной ему территории. Это напрямую связано и с идеей Корфа «управлять Амурской областью не как российской губернией, а как самостоятельной колонией» (цит. по: [5. С. 282]).

Очень интересны последние слова отчета, они якобы сказаны «простым крестьянином» в связи с ожидавшимся прибытием наследника престола Николая Александровича: «Теперь, значит, Сибирь уже не будет больше Сибирью» [38. С. 80]. Трудно сказать, понимали ли включившие его в текст чиновники (или сам Корф) многозначность этих слов, но современный исследователь свободен рассуждать в этом направлении.

В отчетах преемников Корфа сохраняется дуальность представлений о том, является ли Дальний Восток частью Сибири или самостоятельным регионом. Так, С.М. Духовской, с одной стороны, видит управляемый им край частью Сибири. Подобное представление как бы реставрируется, возникает вновь в связи со строительством Транссиба: «Для нашего края Великая Сибирская железная дорога – это светлый луч солнца, врывающийся в глухую и темную сибирскую тайгу... Наблюдателю со стороны должно казаться, что в Сибири совершается чудо: край, лишенный доселе всяких сообщений, разом получает теперь то, что составляет венец современной науки» [39. С. 51].

С другой же, размышляя о значении железной дороги для Приамурья, он пишет: «Событие 19 мая 1891 г., когда... Наследник Престола заложил первый камень Великой Сибирской железной дороги, встрепнуло всю Сибирь из конца в конец и от велика до мала. Блеснувший в глубь непроглядной тайги луч живительного света откликнулся более всего в *Приамурье*, как в *стране* наиболее отдаленной, наименее населенной и устроенной... В *нашем крае* нет предприятия, которое прямо или косвенно не было бы связано с новым путеводителем сибирской жизни» [39. С. 1].

В созданных в 1895–1899 гг. документах словосочетания «Дальний Восток» и «Крайний Восток» употребляются как синонимы и в контексте обсуждения внешнеполитических вопросов, таких как китайско-японский конфликт, соотношение сил Англии, Японии, России и т.п. [40. С. 48, 61, 84, 179, 206, 226 и др.]. Традиционно считается, что номинация «Дальний Восток» применительно к восточной окраине Российской империи закрепляется в связи с образованием Дальневосточного наместничества [12. С. 8]. Для нашей темы важно заглавие этого документа: «Именной высочайший указ... об образовании из Приамурского генерал-губернаторства и Квантунской области особого наместничества на Дальнем Востоке» [41]. Таким образом, Приамурье еще не отождествляется с Дальним Востоком, оно рассматривается как важная часть этого нового макрорегиона.

В отчете Н.И. Гродекова за 1898–1900 гг. (приамурский генерал-губернатор в 1898–1902 гг.) мы вновь встречаем противоречивое понимание того, являлось ли Приамурье частью Сибири. На одной

странице регион упоминается как особый от Сибири: «Отдаленность Приамурского края от хлебных районов Европейской России и Сибири» [42. С. 41]; и как ее часть: «Хотя повсеместно в Сибири, не исключая и Приамурья» [42. С. 102].

Итак, всеподданнейшие отчеты восточно-сибирских и приамурских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия дают возможность судить о месте дальневосточных территорий на ментальных картах представителей высшего регионального управления. Процесс отделения Приамурья от Сибири в их представлениях все еще не завершился. Мнение генерал-губернаторов по данному вопросу зависело от разных обстоятельств.

1. *От символического значения*, которое они придавали «дальневосточным приобретениям империи» и в конечном счете от их мировоззренческих ориентиров. Так, если в социальном воображении Н.Н. Муравьева и М.С. Корсакова эти территории наделялись особым статусом и рассматривались как пространство социального эксперимента, в котором старый сословный, крепостнический режим, с судебной волокитой и прочими анахронизмами традиционного общества должен уступить место новому гражданскому обществу с развитым местным самоуправлением и справедливым судом, то для Н.П. Синельникова, П.А. Фредерикса, Д.Г. Анучина территории, вошедшие впоследствии в состав Приамурского генерал-губернаторства, хотя и обладали определенной спецификой, заключающейся в географическом положении, иных природно-климатических условиях, позднем вхождении в состав империи значительной части этих территорий, иной системе территориального управления, особом составе населения (высокий процент инородческого, ссыльно-каторжного населения и пр.), но в целом осмысливались как часть Восточной Сибири, ее восточная окраина. При этом если Муравьев и Корсаков, имея в виду одного из непосредственных адресатов отчетов – императора, и называли Приамурье частью Сибири, в тексте отчетов они структурно выделяли Амурский край как особую территорию.

2. *От специфики всеподданнейших отчетов как особого вида делопроизводственной документации.* Известно, что всеподданнейшие отчеты подавались и государю, и министрам. Как уже неоднократно заявляли историки, генерал-губернаторские и губернаторские отчеты были важным каналом информации, средством прямой связи глав регионов с центром и самим монархом. Будучи представителями Центра в регионах, генерал-губернаторы в то же время являлись выразителями местных интересов. Д.Г. Анучин так и писал: «Предстательствовать о нуждах Сибири я считаю первым своим долгом» [35. С. 140]. Привле-

кая отчеты генерал-губернаторов в качестве источника, мы имеем дело не с самими представлениями генерал-губернаторов, а с тем, как они презентовались в отчетах. Они формировались и эволюционировали под влиянием ряда факторов. Во-первых, это собственные непосредственные впечатления, со временем изменявшиеся и дополнявшиеся. Во-вторых, чтение отчетов предшественников и подчиненных, литературы – художественной, научной, публицистической. В-третьих, знакомство с жалобами и прошениями отдельных лиц и групп населения. На презентацию включавшихся в отчет и наполнение тех или иных положений влияло также понимание целей и содержания политики центральных властей, внимание генерал-губернатора к отдельным аспектам своей деятельности, которое зависело и от стоявших перед ним задач. Иногда генерал-губернаторы являлись самостоятельными авторами отчетов, однако чаще всего отчет был продуктом коллективных усилий. Сам генерал-губернатор мог быть не вполне искренним, он мог – и порой так и делал – сознательно или неосознанно пытаться влиять на монарха и (или) министров и других деятелей высшей власти и центрального управления, выделяя те или иные характеристики, формируя тот образ, который должен был сложиться у адресатов отчета.

3. *От непосредственного знакомства генерал-губернатора с Приамурьем и отношением к региону и его вхождению в империю.* Даже в тех случаях, когда генерал-губернатор не разделял идею административного выделения Приамурья из Восточной Сибири, как Н.П. Синельников, но сам побывал на Дальнем Востоке, он фиксировал в своих отчетах особые условия развития экономики, административного управления, состава населения самых восточных областей империи. Еще более важно, что генерал-губернаторы Восточной Сибири Н.Н. Муравьев-Амурский и М.С. Корсаков не только по многу раз посещали Приамурье. Присоединение региона к России было главным делом их жизни, важнейшим историческим свершением, к которому они были причастны. Д.Г. Анучин, хотя и не участвовал в «амурской эпопее», придавал особое значение региону в военно-стратегическом и геополитическом отношениях.

От самих свойств географических образов, перечисленных нами ранее, а именно их инерционности, многослойности, противоречивости. Все эти характеристики наглядно демонстрируют отчеты первых приамурских генерал-губернаторов, которые то позиционируют, в соответствии с новыми административными и геополитическими реалиями, Дальний Восток (как синоним Приамурского генерал-губернаторства) как самостоятельную административно-территориальную единицу, то по инерции соотносят ее с Сибирью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск : Амур. книж. изд-во, 1959. 256 с.
2. Stephan J.J. The Russian Far East: A History. Stanford University Press, 1994. 481 p.
3. Ремнев А.В. Региональные параметры имперской «географии власти» (Сибирь и Дальний Восток) // *Ab Imperio*. 2000. № 3–4. С. 343–359.
4. Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX– начала XX века. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2004. 548 с.
5. Дубинина Н.И. Генерал-губернаторская власть в Приамурском крае: ее особенности и эволюция // *История и культура Приамурья*. 2007. № 1. С. 68–85.

6. Тураев В.А. Россия на Дальнем Востоке: этническое и культурное вращение в регион // Россия и АТР. 2012. № 4. С. 59–69.
7. Matsuzato K. The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia // Russian Review. 2012. Vol. 71, № 3. P. 365–390.
8. Ремнев А.В. Сибирь в имперской географии власти XIX – начала XX вв. Омск : Изд-во Омского гос. ун-та, 2015. 580 с.
9. Глебов С.В. Вызовы империи: первые десятилетия колонизации на Дальнем Востоке России (дискуссионные заметки) // Ойкумена. 2017. № 4. С. 17–28.
10. Bassin M. Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865. New York; Cambridge : Cambridge University Press, 1999. 329 p.
11. Замятин Д.Н. Моделирование географических образов: Пространство гуманитарной географии. Смоленск : Ойкумена, 1999. 256 с.
12. Голубь А.Б. Имидж Дальнего Востока России: прошлое и настоящее. Биробиджан : ИЦ ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2016. 133 с.
13. Головнева Е.В., Мартишина Н.И. «Владеть Востоком»: конструирование образа региона в творчестве В.К. Арсеньева // Сибирские исторические исследования. 2018. № 1. С. 200–218.
14. Матханова Н.П. Генерал-губернаторы Восточной Сибири середины XIX века: В.Я. Руперт, Н.Н. Муравьев-Амурский, М.С. Корсаков. Новосибирск : Изд-во СО РАН, 1998. 422 с.
15. Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: историко-биографический очерк. Хабаровск : Приамурские ведомости, Приамурское географическое о-во, 2001. 349 с.
16. Хисамутдинов А.А. Жизнь замечательных людей Владивостока, 1860–2010. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 398 с.
17. Матханова Н.П. Хабаровские съезды «сведущих людей» и приамурский генерал-губернатор А.Н. Корф: поиски каналов коммуникации между властью и обществом в имперской России // Гуманитарные науки в Сибири. 2020. № 3 (в печати).
18. Матханова Н.П., Родигина Н.Н. Всеподданнейшие отчеты как источник для изучения представлений сибирских генерал-губернаторов второй половины XIX столетия // Гуманитарные науки в Сибири. 2019. Т. 26, № 1. С. 45–51.
19. Мир глазами россиян: мифы и внешняя политика / под ред. В.А. Колосова. М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2003. 286 с.
20. Алексеев А.И. Амурская экспедиция 1849–1855 гг. М. : Мысль, 1974. 191 с.
21. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1265. Оп. 7. 1858 г. Д. 270.
22. РГИА. Ф. 1265. Оп. 7. Д. 240.
23. РГИА. Ф. 1265. Оп. 6. Д. 284.
24. РГИА. Ф. 1265. Оп. 10. Д. 202.
25. РГИА. Ф. 1281. Оп. 6, 1863 г. Д. 99.
26. РГИА. Ф. 1265. Оп. 6, 1864 г. Д. 119.
27. РГИА. Ф. 1265. Оп. 11. Д. 161.
28. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: [в 4 т.] / [предисл. А. М. Бабкина]. 7-е изд. М. : Рус. яз., 1979. Т. 2. 779 с.
29. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1874 г. Д. 135.
30. РГИА. Ф. 1284. Оп. 67, 1872 г. Д. 337.
31. Записки сенатора Н. П. Синельникова // Исторический вестник. 1895. № 6. С. 93–711; № 7. С. 27–46.
32. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1875 г. Д. 522.
33. РГИА. Ф. 1284. Оп. 69, 1876 г. Д. 485.
34. Отчет по управлению Восточною Сибирью за 1879 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. В 2 т. Иркутск : типогр. Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 11–48.
35. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1880 и 1881 гг. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. 1884. В 2 т. Иркутск : Типогр. Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 54–149.
36. Всеподданнейший отчет генерал-губернатора Восточной Сибири за 1882 г. // Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточною Сибирью. 1884. В 2 т. Иркутск : Типогр. Штаба Восточно-Сибирского военного округа, 1884. Т. 1, вып. 1. С. 354–368.
37. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора с сентября 1884 г. по июль 1886 г. СПб. : Тип. П. Степанова, 1886. 58 с.
38. Всеподданнейший отчет о состоянии Приамурского края за время с 1886 по 1891 гг. Б.м., б.г. 84 с.
39. Всеподданнейший отчет Приамурского генерал-губернатора генерал-лейтенанта Духовского. 1896–1897 гг. СПб. : типогр. Ю.Н. Эрлих, 1898. 172 с.
40. Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект империи / сост., авт. введ. и коммент. И.В. Лукоянов, Д.Б. Павлов. М.; СПб. : ЦГИ-Принт, 2018. 522 с.
41. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). Собр. 3. Т. 23. Отд. 1. Ст. 25319, 30 июля 1903 г.
42. Всеподданнейший отчет приамурского генерал-губернатора генерала от инфантерии Гродекова. 1898–1900 гг. Хабаровск : Тип. канцелярии Приамурского генерал-губернатора, 1901. 148 с.

Статья представлена научной редакцией «История» 26 марта 2020 г.

“Amur Region Is Not Siberia”: Representation of Differences between Siberia and the Far East in the Reports of Governor-Generals in the Second Half of the 19th Century

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2021, 463, 117–124.

DOI: 10.17223/15617793/463/15

Natalya P. Matkhanova, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: istochnik_history@msil.ru

Nataliya N. Rodigina, Institute of History, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: natrodigina@list.ru

Keywords: Siberia; Far East; governor-generals; reports, images of regions.

This article aims to show the dynamics of the representation of differences between Siberia and the Far East in the *vsepoddanneyshie* reports of the governor-generals of Eastern Siberia and of Amur Oblast in the second half of the 19th century, and to define factors that enabled this dynamics. The article is based on the annual reports of Governor-Generals of Eastern Siberia N.N. Muraviev, M.S. Korsakov, N.P. Sinelnikov, P.A. Frederiks, D.G. Anuchin, and A.P. Ignatiev, and Governor-Generals of Amur Oblast A.N. Korf, S.M. Dukhovskiy, and N.I. Grodekov. According to the conducted research, the authors infer that the governor-generals' reports allow reconstructing the place of the Far Eastern territories on the mental maps of the top officials of the regions. Opinions of the governor-generals depended on various circumstances. First, they depended on the symbolic meaning the officials gave to the “Far Eastern acquisitions of the empire” and on their mindsets. In Muraviev’s and Korsakov’s social imagination the territories were given a distinctive status and viewed as a space for a social experiment in which the old regime based on serfdom and bearing anachronisms of traditional society was to give way to a civil society with a developed local self-governance and a fair

judicial system. However, Sinelnikov, Frederiks and Anuchin saw the territories that later were included into Amur Governorate-General as a part of Eastern Siberia, its eastern border, although the area had a specific geographic location, a different climate, a late inclusion into the empire, a different system of territorial governing, and a distinctive social structure. Second, the opinions of the governor-generals depended on the specifics of *vsepoddanneyschie* reports as a certain type of documents. It is known that *vsepoddanneyschie* reports were intended for the monarch and for his ministers. As historians have frequently mentioned, reports by governor-generals and governors were an important channel of information, a means of direct communication between the center and the periphery of the empire. Governor-generals were representatives of the imperial center in the regions and, simultaneously, were spokesmen for local interests. Third, the governors' opinions depended on their knowledge and understanding of Amur Oblast and their attitude to the region's inclusion into the empire. Even when the governor-general did not share the idea of an administrative separation of Amur Oblast from Eastern Siberia, as Sinelnikov did, but happened to visit the Far East, he recorded the special conditions of economic development, administrative governance and scope of the population of the most eastern parts of the empire in his reports. Governor-Generals of Eastern Siberia Muraviev-Amursky and Korsakov not only visited Amur Oblast many times but saw the incorporation of the region into the Russian Empire as the goal of their lives. Governor Anuchin, who did not take part in the "Amur saga", saw the region's strategic and geo-political importance.

REFERENCES

- Kabanov, P.I. (1959) *Amurskiy vopros* [Amur question]. Blagoveshchensk: Amur. knizh. izd-vo.
- Stephan, J.J. (1994) *The Russian Far East: A History*. Stanford University Press.
- Remnev, A.V. (2000) Regional'nye parametry imperskoy "geografii vlasti" (Sibir' i Dal'niy Vostok) [Regional parameters of the imperial "geography of power" (Siberia and the Far East)]. *Ab Imperio*. 3–4. pp. 343–359.
- Remnev, A.V. (2004) *Rossiya Dal'nego Vostoka. Imperskaya geografiya vlasti XIX–nachala XX veka* [Russia of the Far East. The imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
- Dubinina, N.I. (2007) General-gubernatorskaya vlast' v Priamurskom krae: ee osobennosti i evolyutsiya [Governor-General's Power in Amur Oblast: Its Features and Evolution]. *Istoriya i kul'tura Priamur'ya*. 1. pp. 68–85.
- Turaev, V.A. (2012) Russia in the Far East: The Ethnic and Cultural Growth into the Region. *Rossiya i ATR – Russia and the APR*. 4. pp. 59–69. (In Russian).
- Matsuzato, K. (2012) The Creation of the Priamur Governor-Generalship in 1884 and the Reconfiguration of Asiatic Russia. *Russian Review*. 71 (3). pp. 365–390.
- Remnev, A.V. (2015) *Sibir' v imperskoy geografii vlasti XIX – nachala XX vv.* [Siberia in the imperial geography of power in the 19th – early 20th centuries]. Omsk: Omsk State University.
- Glebov, S.V. (2017) Challenges of Empire: First Decades of Colonization in the Russian Far East (Notes for Discussion). *Oykumena*. 4. pp. 17–28. (In Russian).
- Bassin, M. (1999) *Visions of empire: nationalist imagination and geographical expansion in the Russian Far East, 1840–1865*. New York; Cambridge: Cambridge University Press.
- Zamyatin, D.N. (1999) *Modelirovanie geograficheskikh obrazov: Prostranstvo gumanitarnoy geografii* [Modeling Geographic Images: The Space of Humanitarian Geography]. Smolensk: Oykumena.
- Golub', A.B. (2016) *Imidzh Dal'nego Vostoka Rossii: proshloe i nastoyashchee* [Image of the Russian Far East: past and present]. Birobidzhan: Sholem Aleichem Amur State University.
- Golovneva, E.V. & Martishina, N.I. (2018) "Owning the East": the image of the region as constructed in the works of Vladimir K. Arseniev. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya – Siberian Historical Research*. 1. pp. 200–218. (In Russian). DOI: 10.17223/2312461X/19/13
- Matkhanova, N.P. (1998) *General-gubernatory Vostochnoy Sibiri serediny XIX veka: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amurskiy, M.S. Korsakov* [Governors-General of Eastern Siberia in the mid-19th century: V.Ya. Rupert, N.N. Muraviev-Amursky, M.S. Korsakov]. Novosibirsk: SB RAS.
- Dubinina, N.I. (2001) *Priamurskiy general-gubernator N.I. Grodekov: istoriko-biograficheskiy ocherk* [Amur Region Governor-General N.I. Grodekov: A Historical and Biographical Essay]. Khabarovsk: Priamurskie vedomosti, Priamurskoe geograficheskoe o-vo.
- Khisamutdinov, A.A. (2010) *Zhizn' zamechatel'nykh lyudey Vladivostoka, 1860–2010* [The life of the remarkable people of Vladivostok, 1860–2010]. Vladivostok: Far Eastern University.
- Matkhanova, N.P. (2020) Meetings of "Well-Informed People" in Khabarovsk and the Priamur Governor-General A.N. Korf: Searching of Communication Channels between the Authority and Society in Imperial Russia. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 3. (In Russian).
- Matkhanova, N.P. & Rodigina, N.N. (2019) Loyal Reports as a Source to Study Siberian General-Governors' Views on the Region in the Second Half of the XIX Century. *Gumanitarnye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 26 (1). pp. 45–51.
- Kolosov, V.A. (ed.) (2003) *Mir glazami rossiyan: mify i vneshnyaya politika* [The world through the eyes of Russians: myths and foreign policy]. Moscow: In-t Fonda "Obschestv. mnenie".
- Alekseev, A.I. (1974) *Amurskaya ekspeditsiya 1849–1855 gg.* [The Amur expedition of 1849–1855]. Moscow: Mysl'.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 7. The year 1858. File 270.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 7. File 240.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 6. File 284.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 10. File 202.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1281. List 6. The year 1863. File 99.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 6. The year 1864. File 119.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1265. List 11. File 161.
- Dal', V.I. (1979) *Tolkovyy slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka: [v 4 t.]* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: [in 4 volumes]]. 7th ed. Vol. 2. Moscow: Rus. yaz.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69, The year 1874. File 135.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 67. The year 1872. File 337.
- Sinel'nikov, N.P. (1895) Zapiski senatora N. P. Sinel'nikova [Notes of Senator N.P. Sinelnikov]. *Istoricheskiy vestnik*. 6. pp. 93–711; 7. pp. 27–46.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. The year 1875. File 522.
- Russian State Historical Archive (RGIA). Fund 1284. List 69. The Year 1876. File 485.
- Anon. (1884) Otchet po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu za 1879 g. [Report on the governance of Eastern Siberia for 1879]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. 1884. V 2 t.* [Collection of the main official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. 1 (1). Irkutsk: Tipogr. Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. pp. 11–48.
- Anon. (1884) Vsepoddanneyskiy otchet general-gubernatora Vostochnoy Sibiri za 1880 i 1881 gg. [The report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1880 and 1881]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. 1884. V 2 t.* [Collection of

the main official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. 1 (1). Irkutsk: Tipogr. Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. pp. 54–149.

36. Anon. (1884) *Vsepoddanneyshiy otchet general-gubernatora Vostochnoy Sibiri za 1882 g.* [The report of the Governor-General of Eastern Siberia for 1882]. In: *Sbornik glavneyshikh ofitsial'nykh dokumentov po upravleniyu Vostochnoyu Sibir'yu. 1884. V 2 t.* [Collection of the main official documents on the governance of Eastern Siberia]. Vol. 1 (1). Irkutsk: Tipogr. Shtaba Vostochno-Sibirskogo voennogo okruga. pp. 354–368.
37. Anon. (1886) *Vsepoddanneyshiy otchet priamurskogo general-gubernatora s sentyabrya 1884 g. po iyul' 1886 g.* [The report of the Amur Governor-General from September 1884 to July 1886]. St. Petersburg: Tip. P. Stepanova.
38. Anon. (n.d.) *Vsepoddanneyshiy otchet o sostoyanii Priamurskogo kraya za vremya s 1886 po 1891 gg.* [The report on the state of Amur Oblast for the period from 1886 to 1891]. S.l.: [s.n.].
39. Dukhovskiy, S.M. (1898) *Vsepoddanneyshiy otchet Priamurskogo general-gubernatora general-leytenanta Dukhovskogo. 1896–1897 gg.* [The report of the Amur Governor-General, Lieutenant-General Dukhovskiy. 1896–1897]. St. Petersburg: tipogr. Yu.N. Erlikh.
40. Lukoyanov, I.V. & Pavlov, D.B. (2018) *Port-Artur i Dal'niy, 1894–1904 gg.: posledniy kolonial'nyy proekt imperii* [Port Arthur and Dalny, 1894–1904: the last colonial project of the empire]. Moscow; St. Petersburg: TsGI-Print.
41. Russian Empire. (1903) *Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZRI)* [Complete collection of laws of the Russian Empire]. Collection 3. Vol. 23. Section 1. Column 25319. 30 July 1903.
42. Grodekov, N.I. (1901) *Vsepoddanneyshiy otchet priamurskogo general-gubernatora generala ot infanterii Grodekova. 1898–1900 gg.* [The report of the Amur Governor-General, General of Infantry Grodekov. 1898–1900]. Khabarovsk: Tip. kantselyarii Priamurskogo general-gubernatora.

Received: 26 March 2020